

RU

От «Потерянного рая» Дж. Мильтона до «Темных начал» Ф. Пулмана: идейно-художественное переосмысление теодицеи

Бисерова А. Д.

Аннотация. Целью настоящего исследования является выявление идейно-художественных трансформаций теодицеи в англоязычной литературной традиции от «Потерянного рая» Джона Мильтона до «Темных начал» Филипа Пулмана. Анализируются ключевые этапы литературного диалога, в рамках которого концепция зла, свободы воли и божественного промысла последовательно переосмысливается в соответствии с философскими и эстетическими ориентирами различных эпох: от мильтоновской апологетической модели через романтическую переоценку (У. Блейк, Дж. Г. Байрон, П. Б. Шелли) и викторианскую секуляризацию (А. Теннисон, Т. Гарди, Дж. Элиот, М. Корелли) к христианской апологетике К. С. Льюиса и Дж. Р. Р. Толкина и систематической антитеодицеи Ф. Пулмана. Особое внимание уделяется формированию художественной антитеодицеи, в которой божественный замысел перестает быть предметом апологии и становится частью поэтической рефлексии о границах справедливости и ответственности. Научная новизна исследования заключается в предложении целостной пятиэтапной диахронической модели эволюции теодицейного дискурса в англоязычной литературе от Мильтона до Пулмана, в отечественном литературоведении; образы Бога и Сатаны рассматриваются как антиномические культурные конструкции, воплощающие взаимоотношения между властью и сомнением, смирением и протестом. Трилогия Филипа Пулмана впервые квалифицируется как кульминационная точка четырехвековой инверсионной линии, программно полемизирующей с мильтоновским проектом. В результате исследования установлено, что трансформация темы теодицеи отражает глубинные культурные сдвиги, демонстрируя движение от классических богословских представлений к секулярным формам осмысления этической проблематики.

EN

From John Milton's "Paradise Lost" to Philip Pullman's "His Dark Materials": intellectual and artistic reinterpretations of theodicy

A. D. Biserova

Abstract. The study aims to identify the intellectual and artistic transformations of theodicy in the English literary tradition from John Milton's "Paradise Lost" to Philip Pullman's "His Dark Materials". The paper analyzes the key stages of a literary dialogue in which the concepts of evil, free will, and divine providence are successively rethought in accordance with the philosophical and aesthetic benchmarks of different eras: from Milton's apologetic model, through Romantic reassessment (W. Blake, G. G. Byron, P. B. Shelley) and Victorian secularization (A. Tennyson, T. Hardy, G. Eliot, M. Corelli), to the Christian apologetics of C. S. Lewis and J. R. R. Tolkien and, finally, the systematic anti-theodicy of P. Pullman. Special attention is paid to the formation of an artistic anti-theodicy, in which the divine plan ceases to be an object of apology and becomes part of a poetic reflection on the limits of justice and responsibility. The scientific novelty of the study lies in proposing a holistic five-stage diachronic model of the evolution of theodicean discourse in English literature from Milton to Pullman, a model previously unexplored in Russian literary scholarship. The images of God and Satan are examined as antinomic cultural constructs embodying the relationship between power and doubt, submission and protest. Philip Pullman's trilogy is, for the first time, characterized as the culmination of a four-century-long inversion line that programmatically polemicalizes with the Miltonic project. The study establishes that the transformation of the theodicy theme reflects profound cultural shifts, demonstrating a movement from classical theological perceptions to secular forms of conceptualizing ethical issues.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена устойчивым интересом современной гуманитарной науки к литературному переосмыслению теодицеи, в частности, в контексте современных трансформаций

этических и эстетических парадигм. В условиях кризиса традиционных религиозных моделей и усиления влияния секуляризма возникает необходимость системного анализа того, как литературная традиция интерпретирует проблемы зла, свободы воли и справедливости в период от эпохи классицизма до современной постмодернистской литературы.

Монументальный труд Дж. Мильтона «Потерянный рай» не только заложил фундаментальные темы соотношения зла, свободы и божественного промысла, но и стал отправной точкой многовекового литературного диалога, где тема теодицеи последовательно переосмысливается в контексте исторических и культурных трансформаций. Цикличность интереса к образам, воссозданным в «Потерянном рае» и «Возвращенном рае», моральной дилемме падения подтверждает, что ключевые вопросы, сформулированные Мильтоном, продолжают волновать как писателей, так и читателей, становясь объектом художественной интерпретации в эпохи романтизма, реализма, модернизма и постмодернизма. Мильтоновский «голос» сохраняет свое влияние, находя новые способы художественного выражения в каждой следующей волне переосмыслений. Поэма «Потерянный рай» сформировала архетипические образы и идеи, которые затем получили антагонистическую или эмфатическую трактовку у У. Блейка, П. Б. Шелли, Т. Гарди, К. С. Льюиса и Ф. Пулмана.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить основные этапы литературного переосмысления теодицеи в англоязычной традиции; охарактеризовать специфику интерпретаций образов Бога и Сатаны в контексте разных культурных эпох и литературно-философских течений; определить место трилогии Ф. Пулмана в литературном диалоге с традицией, сформулированной Дж. Мильтоном, и аргументировать ее рассмотрение как кульминационной точки данной традиции.

Материалом исследования послужили произведения англоязычной литературы XVII–XXI вв., тематически связанные с проблемой теодицеи: поэмы «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671) Джона Мильтона, поэма «Бракосочетание Неба и Ада» (1790) Уильяма Блейка, драматическая поэма «Каин» (1821) Джорджа Г. Байрона, лирическая драма «Освобожденный Прометей» (1820) и трактат «Защита поэзии» (1821, опубл. 1840) Перси Б. Шелли, поэма «In Memoriam A.-Г. Х.» (1850) Альфреда Теннисона, романы «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) и «Джуд Незаметный» (1895) Томаса Гарди, роман «Скорбь Сатаны» (1895) Марии Коррелли, философско-богословский трактат «Страдание» (1940) К. С. Льюиса, эпическая сага «Сильмариллион» (1977) Дж. Р. Р. Толкина, а также фантастические циклы Ф. Пулмана – трилогия «Темные начала» (1995–2000) и последующая трилогия «Книга Пыли» (2017–2021). Полный перечень изданий с указанием переводчиков приведен в разделе «Материалы исследования».

Теоретическую базу исследования составляют работы в области литературной герменевтики и компаративистики (Fish, 1998; Empson, 1961; Dobranski, 2010; McDowell, 2020; Lewalski, 2000; Danielson, 1982), исследования романтизма и викторианской литературы (Wittreich, 1970; Newlyn, 1993; Schock, 2003; Houghton, 1957; Beer, 1983), а также труды по современному литературоведению, посвященные творчеству Ф. Пулмана (Hatlen, 2005; Wood, 2001; Tucker, 2003; Freitas, King, 2007; Boucher, Devonport, 2022). В отечественной науке использованы работы А. А. Чамеева, А. Н. Горбунова и Д. Н. Жаткина.

В качестве основных методов исследования использовались: метод литературной компаративистики, литературная герменевтика, рецептивная эстетика, биографический метод, а также интертекстуальный анализ художественного текста. Метод литературной компаративистики позволил сопоставить различные историко-культурные интерпретации теодицеи и выявить их общие и отличительные черты. Метод литературной герменевтики обеспечил глубокое осмысление образов и символики анализируемых произведений. Рецептивная эстетика использовалась для оценки воздействия идейно-художественных решений на читательское восприятие, в то время как биографический метод позволил рассмотреть влияние личного опыта авторов на их подход к рассматриваемой проблематике. Интертекстуальный анализ дал возможность изучить систему аллюзий и реминисценций, формирующих литературную традицию.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов при подготовке курсов по истории зарубежной литературы, спецкурсов и семинаров, посвященных проблематике литературного осмысления теодицеи и ее трансформаций в англоязычной традиции. Полученные выводы могут быть использованы при написании учебных пособий и методических материалов, направленных на изучение художественных и философских аспектов литературных произведений от классицизма до постмодернизма.

Обсуждение и результаты

Понятие «теодицея» традиционно используется в философско-богословском дискурсе для обозначения попытки примирить существование зла и страданий в мире с представлением о всеблагом и всемогущем Боге. Исследуемое понятие впервые было введено в научный оборот немецким философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем в труде «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и происхождении зла» (*“Essais de Théodicée sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal”*, 1710) (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 675). Несмотря на относительно позднее формирование самого понятия, идея теодицеи была глубоко укоренена в западноевропейской традиции значительно раньше и выражалась в литературе, богословии и философии еще до появления исследуемого понятия.

В этом контексте произведение Джона Мильтона «Потерянный рай», созданное во второй половине XVII в., часто рассматривается исследователями как художественное воплощение идеи теодицеи. Зарубежные исследователи (Fish, 1998; Empson, 1961; Danielson, 1982), а также отечественные литературоведы (Чамеев, 2008;

Горбунов, 2006) признают правомерность ретроспективного применения понятия «теодицея» к творчеству Мильтона. В связи с этим мы считаем оправданным рассматривать поэму Мильтона непосредственно как художественную форму теодицеи, подчеркивая ее значение для последующей литературной и философской традиции.

Проблема теодицеи, изначально сформулированная как попытка оправдать божественное устройство мира, сохраняет ведущую позицию в западноевропейской культуре. Милтон в зачине своей поэмы декларирует цель – «Пути Творца пред тварью оправдать»:

«О Дух Святой! Ты храмам предпочтешь
Сердца, что прямы, чисты! Просвети
Меня, чтоб озарить я мог невежд!
<...> доказать,
Что благ Господь, и пред людьми пути
Творца оправдать» (Милтон, 1976, с. 25).

Подтверждением апологетического замысла служит начало «Возвращенного рая», где Милтон наиболее отчетливо следует библейскому сюжету искупления: уже в самом начале произведения поэт заявляет, что теперь воспекает возвращение Рая всему человеческому роду благодаря твердому послушанию одного человека – Иисуса Христа:

«...а днесь пою,
Как Рай людскому роду возвратил
Престойкий Человек, что всяк соблазн
Отверг...» (Милтон, 2001, с. 3).

Данные строки могут быть использованы как убедительный аргумент в пользу того, что поэт стремился не просто к художественному исследованию, но к защите Божьего замысла. Не случайно христианские критики (например, К. С. Льюис) считали, что поэма успешно выполняет задачу оправдания действий Бога, что в целом должно быть закономерным для писателя, создавшего произведение в середине XVII в. (Lewis, 1942). Важно отметить, что Англия во времена Дж. Мильтона находилась в состоянии глубочайшего духовного и политического кризиса: гражданская война (1642–1651), падение монархии, правление Кромвеля и последующая реставрация монархии вызвали резкое переосмысление идеи божественного порядка. На фоне ослабления авторитета англиканской церкви, усиления пуританской доктрины и распространения рационалистической философии (в частности, идей Р. Декарта, Т. Гоббса и Ф. Бэкона) теодицея перестает быть лишь теологической категорией и становится предметом активных философских и общественных дискуссий.

Как показано в коллективном труде “Milton in Context” (под ред. С. Б. Добранского), вопросы справедливости божественного миропорядка приобрели особую остроту после казни Карла I, когда представления о божественном провидении вступили в противоречие с политической реальностью (Milton in Context, 2010).

В протестантской среде наблюдается напряжение между свободой воли и идеей избранничества: согласно Н. Макдауэллу, парадокс бунта против короны, осуществленного во имя Бога, вызвал в умах пуританских интеллектуалов поиск новой модели божественной справедливости (McDowell, 2020).

Дж. Милтон, будучи сторонником республиканских взглядов и автором радикальных памфлетов – например, «Обязанности королей и правителей» (“The Tenure of Kings and Magistrates”, 1649) – воспринимает поэзию как пространство, где богословская истина и политическая свобода могут быть соединены. Именно на этом историческом фоне стремление поэта оправдать пути Бога перед людьми уже не выглядит простой апологией; напротив, оно вплетено в интеллектуальную и моральную борьбу века.

Однако со временем композиция поэмы, особенно образ Сатаны, вызывает сомнения в однозначности авторской позиции. По замечанию С. Фиша, при всей ортодоксальности замысла поэма включает внутренние противоречия, допускающие симпатию к бунту: “Milton deliberately designs Satan’s character to attract us – so that we feel the allure of his defiant eloquence and then realize, through that seduction, how easily one can fall” (Fish, 1998, p. 4) – «Милтон сознательно конструирует образ Сатаны как фигуру, обладающую притягательностью и дерзкой красноречивостью, чтобы читатель смог ощутить соблазн его риторики и, поддавшись этому очарованию, осознать, насколько легко поддаться падению». Г. Блум в своей монографии “How to Read and Why” и ранее У. Блейк (1790) подчеркивали, что Сатана – самый выразительный персонаж, вызывающий сочувствие.

Подобную позицию развивал и П. Б. Шелли в трактате «Защита поэзии» (“A Defence of Poetry”, 1821). В академическом переводе Зинаиды Александровой полный фрагмент звучит следующим образом: «Дьявол Мильтона как нравственное существо настолько же выше его бога, насколько тот, кто упорствует в своем намерении, которое считает прекрасным, несмотря на превратности и пытки, выше того, кто в холодной безопасности несомненного торжества подвергает своего врага самому страшному мщению – не из ошибочного представления о том, что таким образом можно побудить его раскаяться, но с явным намерением довести его до того, чтобы он заслужил новые мучения. Милтон настолько отступил от общепринятого верования <...>, что не дал своему богу никакого нравственного превосходства над Дьяволом» (Шелли, 1972, с. 432).

Контекст данной цитаты принципиален: Шелли не просто восхищается риторикой Сатаны, но утверждает, что у Мильтона нравственное превосходство принадлежит именно мятежнику, поскольку «холодная безопасность несомненного торжества» Бога-победителя нравственно ниже стойкости Дьявола в пытках. Это формула художественной антитеодицеи: справедливость, которую Милтон стремился оправдать, в шеллианской рецепции оказывается формой космической мести.

Знаменитое высказывание У. Блейка из трактата «Бракосочетание Неба и Ада» о том, что Мильтон «принадлежал партии Дьявола, сам того не ведая», положило начало традиции трактовать поэму как неосознанную апологию мятежа. В переводе С. Степанова данный фрагмент звучит следующим образом: «Причина, по которой Мильтон писал весьма сдержанно о Боге и об Ангелах и весьма свободно об Аде и о Дьяволе, заключается в том, что был он истинным Поэтом и, сам того не ведая, принадлежал партии Дьявола» (Блейк, 2014, с. 25).

Действительно, в тексте «Потерянного рая» фигура падшего ангела наделена высокой риторической силой и внутренним героизмом. Особенно показательным в этом отношении рассуждение Сатаны о природе свободы:

«Где мы – там Ад; где Ад, там быть нам должно;

А места все, кроме Небес, – суть Ад.

Ад там, где я; в моей утробе – Ад.

И в самой бездне новой бездны зев

Грозит зиянием, перед которым Ад,

Где мучусь я, мне райским мнится местом» (Мильтон, 1976, с. 113).

Особое значение в данном фрагменте приобретает мысль о субъективном конструировании реальности: пространство и обстоятельства теряют для героя абсолютную ценность, поскольку внутренний мир, воля и самосознание становятся определяющими координатами бытия. Смысловой акцент переносится с внешней среды на внутреннюю автономию личности. Таким образом, в речах Сатаны утверждается философская позиция, согласно которой человеческое (либо ангельское) существование определяется не столько внешними условиями, сколько способностью героя преобразовывать их посредством сознательного выбора. Подобная трактовка свободы и самоопределения предвосхищает идеи поздней европейской философии, где ценность внутреннего мира ставится выше объективных обстоятельств.

Вышеупомянутая позиция становится основой для интерпретации фигуры Сатаны как символа бунтарства и морального сопротивления, подчеркивающей драму выбора между покорностью и независимостью, а также сложность нравственного самоопределения в условиях противостояния сакральному порядку.

Современный исследователь У. Эмпсон подтверждает вышесказанное, апеллируя к образу Бога в эпосе: *“The reason why the poem is so good is that it makes God so bad”* (Empson, 1961, p. 13) – «Причина, по которой поэма столь сильна, состоит в том, что Бог в ней изображен столь дурно». В то же время М. Брайсон в монографии *«The Atheist Milton»* отмечает: *“...Milton’s poem can be read as an attempt to liberate the divine from the constraints of the Christian tradition, an attempt that often verges on atheism”* (Bryson, 2012, p. 19) – «...поэма Мильтона может рассматриваться как попытка эмансипировать идею божественного от традиционных ограничений христианской доктрины, причем эта попытка местами обнаруживает явные атеистические тенденции».

Одним из ключевых аргументов, подтверждающих последнюю точку зрения, служит богословское сочинение Мильтона «О христианском учении» (*“De Doctrina Christiana”*, опубл. 1825), в котором обнаруживаются элементы антитринитаризма (близкие к арианству), что в рамках ортодоксии приравнивалось к ереси. Можно предположить, что Дж. Мильтон отвергал как авторитет монарха, так и догматы церкви, отдавая приоритет личной связи человека с Богом. В трактате «Смысл церковного управления» (*“The Reason of Church Government”*, 1642) поэтом подчеркивается необходимость взвешенного и ясного описания церковного устройства, а в «Ареопагитике» (*“Areopagitica”*, 1644) – сочинении, опубликованном параллельно с «Доктриной и порядком развода» (*“The Doctrine and Discipline of Divorce”*, 1643) – Дж. Мильтон связывал свободу воли и грехопадение с защитой свободы слова: *“Give me the liberty to know, to utter, and to argue freely according to conscience, above all liberties”* (Milton, 1644, p. 35) – «Дайте мне свободу знать, высказываться и свободно спорить по совести – превыше всех свобод» (пер. наш.). Так писатель многократно подтверждает свой курс на охрану индивидуальной автономии, особенно в вопросах мышления и самоопределения.

Противоположную точку зрения отстаивал К. С. Льюис в «Предисловии к “Потерянному раю”» (*“A Preface to Paradise Lost”*, 1942), последовательно трактуя поэму как логичное и убедительное оправдание божественного замысла. Подобная интерпретация отражает амбивалентность текста: с одной стороны, утверждение свободы воли как основания для существования зла –

«Я создал их свободно-волевыми;

Прямыми, и достаточно для них

Их сил, чтоб устоять, хоть властны пасть» (Мильтон, 1976, с. 92);

с другой – наделение Сатаны речью и образно-символической системой, вызывающими уважение и эмпатию:

«Свободу предпочтя ярму служенья

<...> чем в Небе быть слугой,

Куда полезней в Преисподней – править.

Хочу царить в Аду: пусть в Небе – рабство» (Мильтон, 1976, с. 35).

В то время как К. С. Льюис, будучи воцерковленным христианином настаивал, что героизация мятежника – результат ошибочного чтения, его оппоненты, начиная с У. Блейка, трактуют художественную составляющую поэмы как свидетельство внутреннего конфликта автора. Иными словами, художественная сила образа мятежника свидетельствует о внутреннем напряжении текста, в котором рациональная апология соседствует с эмоциональной симпатией к образу непокорного. У. Эмпсон, к примеру, утверждал, что Мильтон *“was trying to justify God, but... his imagined Heaven... turned out to be a dreadful place, against the author’s own will”* (Empson, 1961, p. 14) – «пытался оправдать Бога, но... его воображаемое Небо... оказалось ужасным местом против

воли автора» (перевод выполнен автором статьи. – А. Б.). По мнению критика, в своей поэме Мильтон невольно выстраивает образ Бога как монарха, требующего покорности, тогда как наиболее живые и выразительные образы Сатаны и других падших ангелов воплощают сомнение, сопротивление и человеческое достоинство.

Именно это внутреннее различие между богословским прочтением и эстетической амбивалентностью делает поэму неоднозначной для разных эпох и подходов. Текст способен поддержать как теологическую апологию, так и радикальную критику религиозной власти. В исходном дуализме между заявленной целью и художественным результатом усматривается устойчивая актуальность мильтоновского эпоса.

В последующие столетия идея теодицеи получает новый виток смыслового развития, начинающийся с творчества предромантика У. Блейка и продолжающийся в произведениях романтиков и авторов-реалистов викторианской эпохи. Уже в книге *“The Marriage of Heaven and Hell”* (1790) Блейк не только симпатизирует образу Сатаны, но и утверждает, что *“without contraries is no progression”* (Blake, 1975, p. 34) – «без противоположностей нет движения вперед» (Блейк, 2014, с. 23), подчеркивая ценность конфликта как источника духовного роста. В интерпретации У. Блейка фигура Сатаны становится символом творческой энергии и борьбы с догматизмом, контрастируя с традиционным образом Бога как источника статичной иерархии.

В поэтической системе романтизма амбивалентность, заложенная в «Потерянном рае», становится основой героизации бунта. Романтики (Дж. Байрон, П. Б. Шелли) вошли в историю как радикальные мыслители, стремившиеся трансформировать библейские образы, представив их сквозь призму индивидуальной свободы, духовного протеста и эстетического освобождения. Поэты во многом продолжили «внутренний диалог» Мильтона, но при этом явно сместили акценты в сторону мятежного начала. Литературоведы выделяют феномен «романтического сатанизма»: в эпоху романтизма образ дьявола трансформируется из демонического антагониста в символ личной независимости, духовного протеста и созидательной энергии (Schock, 2003, p. 5).

Дж. Байрон в пьесе «Каин» (*«Cain»*, 1821) проблематизирует концепцию божественной справедливости, задавая вопросом, как Бог может требовать жертвенности, являясь при этом источником страданий. П. Б. Шелли в «Освобожденном Прометее» (*“Prometheus Unbound”*, 1820) открыто симпатизирует бунтарскому образу титана, символизирующего творческое неповиновение и моральную автономию. Как отмечает П. Шок в исследовании *«Romantic Satanism»* (2003), романтики превращают падшего ангела в фигуру «освобождающего субъекта», героя экзистенциального сопротивления (Schock, 2003, p. 8).

В поэме А. Теннисона *«In Memoriam A.-Г. Х.»* (*“In Memoriam A. H. H.”*, 1850) наблюдается прямое оспаривание оптимистического мировоззрения: *“Who trusted God was love indeed / And love Creation’s final law – / Tho’ Nature, red in tooth and claw / With ravine, shriek’d against his creed”* (Tennyson, 1987, Canto 56) – «Кто верил, что Господь есть любовь / И любовь – конечный закон творения, – / Хотя природа, с обагрёнными клыками и когтями / И с разбоем, кричала в опровержение его веры» (Теннисон, 2018, с. 92). Здесь природа предстает как жестокая и безжалостная сила, противоречащая религиозной вере поэта. Примечательно, что сочинение, написанное после смерти близкого друга Теннисона Артура Хэллеме, представляет собой не столько выражение веры, сколько длительное размышление о недоступности божественного замысла и о боли как категории экзистенциального бытия. Подробный анализ русской рецепции поэмы и истории ее переводов представлен в работе Д. Н. Жаткина (Жаткин, 2018).

Реализм викторианской эпохи демонстрирует дальнейшее отступление от традиционной апологетики, в частности, в тот период, когда стремительное развитие науки, философии и социальных институтов поставило под сомнение прежние метафизические основы. В произведениях Дж. Элиот (псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс) и Томаса Гарди изображается мир, где страдания и трагические коллизии оказываются неотъемлемой частью бытия, а сам образ Бога становится едва уловимым. Дж. Элиот в романах «Сайлас Марнер» (*“Silas Marner”*, 1861) и «Мидлмарч» (*“Middlemarch, A Study of Provincial Life”*, 1871-1872) предлагает светскую этическую интерпретацию страдания, заменяя религиозный метанарратив «религией человечности» (Beer, 1983), иными словами – систему моральных координат, опирающуюся не на божественные откровения, а на внутреннюю ответственность индивида перед другим. Томас Гарди в романах «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» (*“Tess of the d’Urbervilles”*, 1891) и «Джуд Незаметный» (*“Jude the Obscure”*, 1895) создает мрачные картины вселенной, где персонажи оказываются во власти непредсказуемых, слепых и равнодушных сил, где божественный промысел либо отсутствует, либо оказывается враждебным. В стихотворении *«In Tenebris II»* Гарди отчетливо формулирует свою позицию: *“If a way to the Better there be, it exacts a full look at the Worst”* (Hardy, 2001, p. 168) – «Если путь к лучшему существует, он требует полного взгляда на худшее». Подобные сюжетные особенности демонстрируют не стремление разрешить проблему зла, а скорее признание ее философской неразрешимости.

Роман Марии Корелли «Скорбь Сатаны» (*“The Sorrows of Satan”*, 1895) нередко остается на периферии реалистического канона викторианской литературы. Тем не менее текст представляет собой яркое свидетельство духовного и ценностного кризиса конца XIX в.: центральный персонаж, Сатана в облике элегантного джентльмена Лючио Риманеца, предстает не как воплощение абсолютного зла, а как разочарованный ангел, подвергающийся сомнению институты религии, морали и социальной справедливости. Через систему взаимоотношений между героями в романе прослеживается сдвиг от дуалистического противостояния добра и зла к более тонкому этическому поиску: традиционные догмы перестают быть устойчивыми, а человек оказывается вынужденным сам формировать критерии нравственного выбора в условиях утраты сакральных ориентиров. Образы в романе разделены не только по принципу «падшие/светлые», но и по способности к духовному прозрению:

часть персонажей стремится к истине через страдание, другие же растворяются в соблазнах иллюзорной реальности. Такой взгляд созвучен более широкой тенденции викторианской литературы, в которой страдание все чаще осмысливается как феномен естественного порядка, а не следствие божественного плана. Как подчеркивают современные исследователи, произведения этого периода переходят от теологического к этическому осмыслению зла (Houghton, 1957).

Указанная тенденция, достигнув кульминации на рубеже XIX–XX вв., привела к постепенной секуляризации проблемы зла и к утрате необходимости обращаться к классической теодицее как религиозной системе. Однако кризисы первой половины XX в., особенно Первая и Вторая мировые войны, вновь актуализировали религиозную и метафизическую проблематику. В результате этого в середине XX в. происходит частичное возвращение к классической модели теодицеи.

К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин, которых нередко относят к авторам «христианской фантастики» (Т. Shippey, С. Duriez, М. D. C. Drout), предложили образы миров, где страдание оправдано даром свободы, а Бог предстает как символ абсолютной справедливости. В трактате «Страдание» (*“The Problem of Pain”*, 1940) Льюис подчеркивает: *“Try to exclude the possibility of suffering which the order of nature and the existence of free-wills involve, and you find that you have excluded life itself”* (Lewis, 1940, p. 24) – «Попробуйте исключить ту возможность страдания, которую неизбежно порождают и природный порядок, и наличие свободных волей, – и вы увидите, что исключили саму жизнь» (Льюис, 1992, с. 285), интерпретируя зло не как результат Божьего замысла, а как цену за моральную автономию. В «Сильмариллионе» (*“The Silmarillion”*, 1977) Толкин создает разветвленную космогонию, где борьба между светлым и темным подтверждает изначально гармоничный порядок, заданный божественным первотворцом Эру Илуватаром. Оба автора, несмотря на использование модели мильтоновского эпоса, сохраняют идею неизменной божественной справедливости как основы миропорядка.

Решительный отход от традиционной теодицеи осуществляется уже в постмодернистскую эпоху, развивавшейся в англоязычной литературе с 1960-х до начала 2000-х гг., в творчестве Ф. Пулмана, автора трилогии «Темные начала» (*“His Dark Materials”*, 1995–2000). Согласно общепринятой периодизации Б. Макхейла, постмодернизм проходит четыре фазы: возникновение в 1966 г., пиковая фаза 1973–1990 гг., «междущарствие» 1989–2001 гг. и фаза «после постмодернизма» – после 11 сентября 2001 г. (McHale, 2015). Трилогия Пулмана создается именно в фазе «междущарствия», когда классические стратегии постмодернистской иронии уступают место новому метафизическому серьеzu, гибридизирующему высокую теологическую традицию и популярные жанры.

Ф. Пулман сознательно трансформирует религиозные нарративы, изображая Бога как стареющего узурпатора, именуемого Authority. Один из персонажей, ангел Балтамос, утверждает, что Власть лгала о своем божественном происхождении: *“He told those who came after him that he had created them, but it was a lie”* (Pullman, 2000, p. 31). Пулман целенаправленно отказывается от концепции оправдания высшей силы, предлагая человечеству самостоятельно определять путь к свободе, без опоры на прежние догматы. Данная позиция, иногда именуемая «антитеодицеей» (Z. Braiterman, 1998; L. Snellman, 2019), указывает на то, что в постмодернистскую эпоху, когда образ Бога перестал находиться в центре миропонимания, вопрос о божественных поступках теряет первоначальную значимость. Исследователи литературы (Hatlen, 2005; Wood, 2001; Freitas, King, 2007; Boucher, Devonport, 2022) интерпретируют подобную позицию как пример пострелигиозного или антитеодицейного дискурса.

Пулман, являясь агностиком, сознательно относит себя к «партии Дьявола». В интервью газете *“The Observer”* (2001) писатель, перефразируя У. Блейка, заявил: *“Blake said Milton was a true poet, and of the Devil’s party without knowing it. I am of the Devil’s party and I know it”* – «Блейк говорил, что Мильтон был на стороне Дьявола, сам того не понимая. А я – из партии Дьявола и это знаю» (перевод выполнен автором статьи. – А. Б.). Если Блейк лишь интерпретировал «бессознательные» симпатии Мильтона, то Пулман сознательно и открыто заявляет о своей принадлежности к «партии Дьявола». Так Ф. Пулман вступил в диалог с трехсотлетней традицией переосмысления образов «Потерянного рая». Пулмановский мир – это мир без сакральной вертикали, где ценности определяются через любовь, эмпатию и знание, а не через откровение, ожидаемое от всевышнего. Таким образом, «Темные начала» можно рассматривать как кульминацию антиномических тенденций, заложенных в мильтоновском эпосе, и как постмодернистскую интерпретацию теодицеи в условиях секулярной культуры.

Трилогия «Темные начала» (*“His Dark Materials”*, 1995–2000), а также более поздняя серия «Книга Пыли» (*“The Book of Dust”*, 2017–2021) формируют не столько антирелигиозную, сколько пострелигиозную картину мира: вместо трансцендентного откровения – человеческое воображение, вместо догмы – этический выбор. Программа «Республики Небес», сформулированная Пулманом в одноименном эссе для журнала *“The Horn Book Magazine”* (Pullman, 2001), противопоставляется мильтоновскому «Царству Небес» как демократическая, посягающая, телесная альтернатива монархической, потусторонней, аскетической традиции.

Развивая эти идеи в «Книге Пыли», Пулман решительнее дистанцируется как от религиозных ортодоксов, так и от сторонников радикального научного атеизма. Пулмановское повествование не столько разрушает прежние мифологемы, сколько предлагает альтернативную модель сакрального, в которой трансценденция уступает место человеческому воображению, памяти и этическому выбору. В этом отношении «Темные начала» можно интерпретировать как пострелигиозное произведение, в котором религиозное содержание сохраняется, но преобразуется в пространство для гуманистического и экзистенциального поиска.

Вышеописанный сдвиг едва ли был бы возможен без концептуального фундамента, заложенного в «Потерянном рае» Дж. Мильтона. Поэма становится прологом к многовековой дискуссии, сочетающей богословские структуры с эстетикой сомнения. Несмотря на то, что Мильтон воспринимается как автор ортодоксального

замысла, фигура Сатаны – сильная, выразительная и трагическая – создает контрастный противовес традиционной апологии. Сложившаяся двойственность открыла писателям последующих поколений простор для новых интерпретаций проблемы теодицеи. Возникает ощущение, что речь идет не только о пересмотре религиозных оснований, но и о расширении границ художественного поиска.

Заключение

Проведенный анализ литературного материала позволяет утверждать, что проблема теодицеи в англоязычной традиции представляет собой не статичную богословскую парадигму, а динамичную категорию, подверженную многократному художественному и философскому переосмыслению. Диалог от «Потерянного рая» Джона Мильтона до трилогии «Темные начала» Филипа Пулмана свидетельствует о смене не только жанровых форм и эстетических установок, но и фундаментальных мировоззренческих оснований, на которых строится представление о зле, свободе и божественном промысле.

Если в поэтике Мильтона сохраняется апелляция к традиционной христианской модели оправдания Бога через идею свободной воли и искупления, то в интерпретациях эпохи романтизма, реализма, модернизма, а затем и в постмодернистских текстах происходит существенный сдвиг от апологетической модели к критическому анализу. Произведения У. Блейка, П. Б. Шелли, Дж. Г. Байрона, А. Теннисона, Т. Гарди, М. Корелли, К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкина и, позднее, Ф. Пулмана демонстрируют стремление не столько разрешить парадокс божественной справедливости, сколько поставить его в центр этического и художественного осмысления.

Таким образом, художественное осмысление теодицеи в англоязычной литературе отражает сложную диалектику между сакральной традицией и секулярной рефлексией. От утвердительной риторики теоцентрического порядка к эстетике сомнения и нарративам антитеодицеи – таков путь, пройденный ключевыми текстами от XVII до XXI вв. Особенно важным является переход от онтологического вопроса к экзистенциальному: речь идет уже не о метафизической «защите» Бога, а о попытке осмыслить человеческую автономию в мире, лишенном абсолютных гарантий.

Итак, представляется возможным постулировать, что тема теодицеи в литературе сохраняет свою актуальность не как догматическая истина, а как источник продуктивного интеллектуального и эстетического осмысления. Мифологемы падения, искупления и бунта обретают новые функции, которые становятся средствами литературно-философского диалога между эпохами и концепциями добра и зла, утверждая тем самым значимость художественного дискурса в формировании культурной памяти и этической чувствительности современности.

В качестве перспектив дальнейшего изучения заявленной проблематики представляется важным изучение более широкого круга современных авторов и произведений, переосмысливающих концепцию теодицеи и проблемы зла в контексте постсекулярной культуры, а также анализ стратегий репрезентации религиозной и анти-теологической проблематики в различных национальных литературных традициях. Кроме того, плодотворным направлением является исследование влияния литературного дискурса о теодицее на формирование современных литературно-философских концепций добра и зла.

Материалы исследования | Research materials

1. Байрон Дж. Г. Каин: мистерия в трех действиях / пер. с англ. И. А. Бунина // Байрон Дж. Г. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2.
2. Блейк У. Бракосочетание Неба и Ада / пер. с англ. С. Степанова // Блейк У. Песни Невинности и Опыта. СПб.: Азбука-классика, 2014.
3. Гарди Т. Джуд Незаметный / пер. с англ. Н. Шерешевской, Н. Маркович // Гарди Т. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 8.
4. Гарди Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей / пер. с англ. А. В. Кривцовой // Гарди Т. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1971. Т. 3.
5. Корелли М. Скорбь Сатаны / пер. с англ. Е. Чистяковой-Вэр. М.: Захаров, 2007.
6. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и происхождении зла / пер. с фр. К. Истомина, Ф. Смирнова // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4.
7. Льюис К. С. Страдание / пер. с англ. Н. Л. Трауберг // Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. М.: Республика, 1992.
8. Мильтон Дж. Потерянный Рай / пер. с англ. Арк. Штейнберга // Мильтон Дж. Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец. М.: Художественная литература, 1976.
9. Мильтон Дж. Возвращенный Рай / пер. с англ. С. А. Александровского. М.: Время, 2001.
10. Пулман Ф. Северное Сияние / пер. с англ. В. Голышева, В. Бабкова. М.: АСТ, 2016.
11. Пулман Ф. Чудесный нож / пер. с англ. В. Голышева, В. Бабкова. М.: АСТ, 2017.
12. Пулман Ф. Янтарный телескоп / пер. с англ. В. Голышева, В. Бабкова. М.: АСТ, 2017.
13. Пулман Ф. Прекрасная дикарка / пер. с англ. А. Блейз. М.: АСТ, 2018.
14. Пулман Ф. Тайное содружество / пер. с англ. А. Осипова. М.: АСТ, 2020.
15. Теннисон А. In Memoriam A.-Г. Х. Obiit MDCCCXXXIII / пер. с англ. Т. Стамовой; изд. подгот. А. Н. Горбунов, Д. Н. Жаткин, Т. Ю. Стамова. М.: Ладомир; Наука, 2018.
16. Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. с англ. Н. Эстель. М.: АСТ, 2015.

17. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.
18. Шелли П. Б. Защита поэзии / пер. с англ. З. Е. Александровой // Шелли П. Б. Письма. Статьи. Фрагменты / изд. подгот. З. Е. Александрова, А. А. Елистратова, Ю. М. Кондратьев. М.: Наука, 1972.
19. Шелли П. Б. Освобожденный Прометей / пер. с англ. К. Д. Бальмонта // Шелли П. Б. Великий дух: Стихотворения. М.: Летопись, 1998.
20. Blake W. The Complete Poetry and Prose of William Blake / ed. by D. V. Erdman. Rev. ed. Berkeley: University of California Press, 1975.
21. Bryson M. The Atheist Milton. Farnham: Ashgate, 2012.
22. Hardy T. The Complete Poems / ed. by J. Gibson. L.: Palgrave Macmillan, 2001.
23. Lewis C. S. The Problem of Pain. L.: Geoffrey Bles, 1940.
24. Lewis C. S. A Preface to Paradise Lost. Oxford: Oxford University Press, 1942.
25. Milton J. Paradise Lost / ed. by A. Fowler. 2nd ed. L. – N. Y.: Longman, 1998.
26. Milton J. Areopagitica // Areopagitica and Of Education / ed. by K. M. Lea. Oxford: Clarendon Press, 1973.
27. Pullman P. Northern Lights. L.: Scholastic, 1995.
28. Pullman P. The Subtle Knife. L.: Scholastic, 1997.
29. Pullman P. The Amber Spyglass. L.: Scholastic, 2000.
30. Pullman P. The Republic of Heaven // The Horn Book Magazine. 2001. Vol. 77. № 6.
31. Shelley P. B. A Defence of Poetry // The Selected Poetry and Prose of Shelley / ed. by B. Woodcock. Ware: Wordsworth Editions, 2002.
32. Tennyson A. In Memoriam A. H. H. 2nd ed. // The Poems of Tennyson / ed. by C. Ricks. Harlow: Longman, 1987. Vol. 2.

Источники | References

1. Горбунов А. Н. Поэзия Мильтона: от пасторали к эпосе // Мильтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / изд. подгот. А. Н. Горбунов и др. М.: Наука, 2006.
2. Жаткин Д. Н. Русская судьба "In Memoriam" Альфреда Теннисона // Теннисон А. In Memoriam А.-Г. Х. Obiit MDCCCXXXIII. М.: Ладомир; Наука, 2018.
3. Чамеев А. А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай». Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.
4. Чамеев А. А. Поэма Мильтона как теодицея в художественной форме // Художественный текст как целостная система: межвузовский сборник / под ред. Л. В. Сидорченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
5. Beer G. Darwin's Plots: Evolutionary Narrative in Darwin, George Eliot and Nineteenth-Century Fiction. L.: Routledge & Kegan Paul, 1983.
6. Boucher G. M., Devonport-Ralph C. Philip Pullman and Spiritual Quest // Literature. 2022. Vol. 2. № 1. <https://doi.org/10.3390/literature2010002>
7. Braiterman Z. (God) After Auschwitz: Tradition and Change in Post-Holocaust Jewish Thought. Princeton: Princeton University Press, 1998. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7rg1x>
8. Danielson D. Milton's Good God: A Study in Literary Theodicy. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
9. Empson W. Milton's God. L.: Chatto and Windus, 1961.
10. Fish S. Surprised by Sin: The Reader in Paradise Lost. 2nd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.
11. Freitas D., King J. E. Killing the Imposter God: Philip Pullman's Spiritual Imagination in His Dark Materials. San Francisco: Jossey-Bass, 2007.
12. Milton in Context / ed. by S. B. Dobranski. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
13. Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830-1870. New Haven – L.: Yale University Press, 1957.
14. Hatlen B. Pullman's His Dark Materials, a Challenge to the Fantasies of J. R. R. Tolkien and C. S. Lewis, with an Epilogue on Pullman's Neo-Romantic Reading of Paradise Lost // His Dark Materials Illuminated: Critical Essays on Philip Pullman's Trilogy / ed. by M. Lenz, C. Scott. Detroit: Wayne State University Press, 2005.
15. Lewalski B. The Life of John Milton: A Critical Biography. Oxford: Blackwell, 2000.
16. McDowell N. Poet of Revolution: The Making of John Milton. Princeton: Princeton University Press, 2020.
17. McHale B. The Cambridge Introduction to Postmodernism. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
18. Newlyn L. Paradise Lost and the Romantic Reader. Oxford: Clarendon Press, 1993. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198112778.001.0001>
19. Schock P. A. Romantic Satanism: Myth and the Historical Moment in Blake, Shelley and Byron. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. <https://doi.org/10.1057/9780230513303>
20. Snellman L. 'Anti-theodicy' and Antitheodicies // European Journal for Philosophy of Religion. 2019. Vol. 11. № 1. <https://doi.org/10.24204/ejpr.v11i1.2579>
21. Tucker N. Darkness Visible: Inside the World of Philip Pullman. Cambridge: Wizard Books, 2003.
22. Wittreich J. The Romantics on Milton: Formal Essays and Critical Asides. Cleveland: Press of Case Western Reserve University, 1970.
23. Wood N. Paradise Lost and Found: Obedience, Disobedience, and Storytelling in C. S. Lewis and Philip Pullman // Children's Literature in Education. 2001. Vol. 32. № 4. <https://doi.org/10.1023/A:1012718005663>

Информация об авторах | Author information**RU****Бисерова Анна Дмитриевна¹**¹ Московский городской педагогический университет**EN****Anna Dmitrievna Biserova¹**¹ Moscow City University¹ *biserova.ann@mail.ru***Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 19.05.2025; опубликовано online (published online): 29.06.2026.

Ключевые слова (keywords): теодицея; Джон Мильтон; Филип Пулман; антитеодицея; свобода воли; theodicy; John Milton; Philip Pullman; anti-theodicy; free will.